

МЫСЛЬ 10. 12

республиканский общественно-политический журнал

Электронный адрес: zhurnal_mysl@mail.ru Сайт: mysl.kz

В номере:

Безъядерный мир —
глобальная миссия
Казахстана

Фарватер
законотворчества:
социальная модернизация

Индия и Казахстан:
перспективы
сотрудничества

Философия истории

Влияние СМИ
на процессы в Казахстане
и Кыргызстане

Интеграционные
механизмы
Таможенного Союза

Энергетическая концепция
национальной безопасности

Рекреационное трио —
Казахстан, Кубань, Болгария

Какими они были,
восьмидесятые?

Полемика о Кенесары

Ценности человека

КОЛОНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В ответ на публикацию автора Б. Ауельбекова «О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова» журнал «Мысль» номер: 6,7 хотелось обратить внимание читателей на утверждение автора, что в данный период колонизации Казахстана просто не было и быть не могло, на что указывает элементарная статистика в 1892 г. проживало 92% коренного населения. Колонизация, как таковая, вопреки всем мифам, началась только в конце XIX-го – начале XX века; что собственно с какой «колонизацией» сражался Кенесары, если ее вообще не было. Здесь также ведется утверждение, что создание военных укреплений, если и причиняло какие-то неудобства для казахов, но никак не может расцениваться как колониальный захват Казахстана и главной задачей российских военных укреплений была вовсе не колонизация, а охрана торговых путей с Азией, которые проходили через Казахстан»- журнал «Мысль» номер 6, а также на первый вывод автора в журнале «Мысль» номер 7 пункт 1). «Кенесары Касымов не был борцом с царской колониальной политикой, потому что и в его время таковой еще не было».

В ответ на данные ошибочные выводы автора следует обратить внимание на факты опровергающие данные умозаключения. Видимо автор публикации не совсем понимает, о чем пишет, в первую очередь это касается термина «колонизации».

История человечества едина. Различные территории, разделенные в пространстве и, не контактируя непосредственно во времени, несмотря на многообразие особенностей, все подчиняются законам социального развития. Немало общих черт колониальной политики проводимой царской Россией по отношению к Казахстану можно обнаружить в политике, проводимой колонизаторами таких крупных держав, как Великобритания, Франция, Германия и т. д.

Колонизация земель всегда сопровождается ликвидацией государственности, ломкой прежнего уклада, жертвами и разрушениями в ходе завоевания, репрессиями, изгнанием, а порой и истреблением людей, насаждением и всяческим распространением образовательной системы,

языка, религии, культуры колонизаторов, изъятием земель, непомерным увеличением налогов и поборов, экономической эксплуатации природных богатств и т. д. В глазах завоевателей (колонизаторов) считавших себя носителями высокой культуры, местные жители представляли собой людей-туземцев, не обладающих правом претендовать на лучшую долю. Когда рядом с ними жили те, кому уготовано «свыше» при этом исконных обитателей называли «аборигенами», «туземцами», «инородческое население» и т. д.

Все выше перечисленные общие черты колониальной мировой политики можно отметить и в политике царской Россией по отношению к Казахстану.

Наша задача показать автору Б. Ауельбекову «О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова» на конкретных фактах на наличие колониальной политики в регионе. Таким образом показать, что автор публикации имеет полное незнание с историей данного периода времени, хотя при этом Б. Ауельбеков делает ссылки на ряд уважаемых авторов,

¹Статья подготовлена в рамках грантового проекта «Земельные отношения в дореволюционном Казахстане: (история, теория, практика) Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК (ГФ №0076, рук. Н.М. Мусабекова).

но при этом он понимает и трактует их неправильно, не профессионально, делает ошибочные выводы.

История длительного, процесса подчинения Казахстана и превращения ее в колонию Российской империи растянулась на два слишком столетия.

До начала XIX века русское владычество и влияние в казахской степи не могло быть прочным, так как российский царизм не заводил в степи ни поселений, ни пикетов, а содержал только обширную пограничную линию со стороны европейской России по реке Уралу, Ую и Тоболу, а со стороны Сибири по Ишиму и по Иртышу. Другой характер приняли действия российской колониальной администрации в начале XIX века.

В 1809 г. были разработаны правила и произведен отвод земли сибирским линейным казакам и внутренним или станичным казакам в районе левого берега Иртыша¹. К 1813 г. предполагалось закончить размежевание, но в действительности только к 1821 году были отсняты земельные планы в пяти казачьих округах. Для прекращения споров была создана межевая комиссия из полковых командиров Сибирского казачьего войска, доверенных лиц от казахов, землемера Молчанова и подпоручика Потанина.

Межевые работы российским правительством территории Казахстана были продолжены и в дальнейшем, так в 1825 году поступает записка на имя императора Александра I о переносе Сибирской пограничной линии вглубь Казахстана от коллежского советника Демидова. В которой приводятся мотивации по поводу выгоды переноса пограничных линий вглубь степи — «Мне казалось всегда, что сама природа предназначила Российской державе перенести военные рубежи свои вовнутрь степей киргизских, не туда, куда предполагали то многие умственно, но по местным выгодам». Данное предложение было поддержано командиром отдельного сибирского корпуса генерал Капцевичем, и начальником главного штаба бароном Дибичем. Однако предложенный данный перенос линии сдерживался отсутствием достоверных топографических сведений. Советник Демидов просит разрешения отправить по представлению его в степь 19 партий под прикрытием казаков, на, что предлагает свои средства². Вот уж достойный пример колониального вмешательства сильного соседа в лице промышленника Демидова.

К данному периоду, описанным автором Б. Ауельбековым были уже проведены реформы на территории Казахстана. Россия связывала с проведением реформ 1822–1824 гг. начало нового этапа во взаимоотношениях России с Казахстаном. Именно в реформах М. М. Сперанского русская администрация видела решающий шаг по пути усиления русского влияния и колониального захвата степи. Фиктивное подданство, по мнению России, было решено обратить в действительное, и с этой целью в центрах проектирования округов строились укрепления, при которых помещались приказы. Из укреплений в степь посылались военные отряды, которые основывали новые укрепления, защищавшие подступы к линии. Царское правительство считало кочевников вне цивилизации и стремилось навязать им свои проекты развития, как «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.) разработанный генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанским³. Согласно которого, например, читаем (глава 2, отделение 1, параграф 20 «В приказе, под председательством старшего султана, присутствующим два российских заседателя, определяемые областным русским начальником и окружной приказ имеет полицейскую и судную власть, и т. д.»⁴.

Как это не политика колониализма, которую так отрицает автор Б. Ауельбеков?

На основании результатов работы межевых комиссий и «Устава о сибирских казаках» практически за период с 1822 по 1844 год были созданы восемь внешних округов. Территория округов строилась с учетом расположения крайних зимних стоянок, вошедших в округ волостей. Округа разделялись на волости и аулы. В округ должно было входить от 15 до 20 волостей, в волость — от 10 до 12 аулов, в аул — от 50 до 70 кибиток⁵.

Следовательно, присутствуют все признаки колониального вмешательства России, как территориальные претензии на данную территорию Казахстана.

В начале XVIII века, укрепленные сибирские селения, отделявшиеся казахскую степь с севера, тянулись чрезвычайно ломаной линией на пространстве 985 верст. Это пограничная линия носила название Ишимской; в состав ею входил нынешний г. Ишим, под именем Коркинской слободы⁶. Колониальные задачи царизма и экономические потребности империи выдвигали потребность спрямления Ишимской линии, уплотнения военных

сооружений и земледельческого освоения богатых угодий лесостепной зоны. По основным рекам линия выдвигалась на юг до степной зоны, а в междуречьях отступала, на север, тем самым удлинялась сама линия укреплений, и оставались уязвимые места. Общая длина линии от Тобола до Иртыша достигала 1000 верст⁷. Основная причина строительства Пресногорьковской линии вызвано было тем, что линия Ишимская оставалась неровной и ломаной, с «великими кривизнами и оборотами», — как признавала военная коллегия⁸.

Кроме зигзагообразности, Ишимская линия, обладала еще одним очень существенным недостатком с позиции колониальной политики России. Так, пашни, сенокосы, рыбные ловля русского населения в ряде мест уходили за пределы Ишимской линии. Поэтому стратегия колониального захвата казахских степей диктовала необходимость укрепления границы, сделать ее более прямой и короткой, включить в нее земли, колониальное освоение которых уже фактически началось.

Подготовка к созданию Новой укрепленной линии началась в 40-х годах XVIII века. Однако проект командира Сибирского корпуса генерал-майора Киндермана, предлагавший протянуть новую линию укреплений, по прямой от Звериноголовской до Омской крепости, был утвержден только в 1752 году⁹. На расстоянии 556 верст Новой линии по проекту намечалось построить две шестиугольные и девять четырехугольных крепостей, 33 редута и 42 маяка¹⁰. К 1755 году на военных линиях: Пресногорьковской, Иртышской, Колывано-Кузнецкой, находились следующие укрепления: на Пресногорьковской линии: крепостей-10 (Пресногорьковская, Кабанья, Пресная, Семиарская, Становая, Святого Петра, Полуденная, Никольская, Покровская и Омская); редуты-21 (Алабугский, Песчаный Пресногорьковской, Берский, Семиозерный, Болотный, Плоский, Междоозерный, Ганыкина, Нагорный, Медвежий, Чистый, Тарский, Лосев, Соленоозерный, Горный, Пустоозерный, Дубровный, Степной, Мельничный, Иртышский, второй Пресновский, Преснореченский, Болотный, Пресный, Пресно-Сарапульский, Кривоозерный и другие); на Иртышской линии: крепостей-5 (Железинская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская и Омская); форпостов-9 (Ачаирский, Черлаковский, Осьморыжский, Чернореченский, Коря-

ковский, Семиарский, Ульбинский, Лебяжий и Талицкий); станций-19 (Кзылбаши, Татарская, Урлюпинская, Песчаная, Чернореченская, Подстепная, у реки Черной, Подпускная, Кривая, Грачевская, Черемуховская, Долон-Карагайская, у Белого Камня, Глуховская, Озерная, Пьянорыжская, Баратовская, Красноярская, Уваровская); между ними маяков-35¹¹.

На данном примере статистических данных общего количества крепостей, редуты, маяков хотелось показать и доказать автору выше упомянутой публикации, что утверждение, «создание военных укреплений, если и причиняло какие-то неудобства для казахов, но никак не может расцениваться как колониальный захват Казахстана» насколько оно ошибочно и читателей уводит от исторической истины.

На первый план при образовании окружных приказов в области Сибирских казахов Российского правительства преследовало реализацию колониального захвата территории и дальнейшее проведение военных действий. Так заранее оговаривалось, как должна была производиться топографическая съемка, какие должны быть штабы и войска на мирное и военное время. По данным выписки из отношений Генерал-губернатора Западной Сибири к тайному советнику Родофиникину от 23.08.1830 года за № 857 узнаем, что отправленные в мае месяце данного года пять отрядов в казахскую степь, по предмету открытия новых внешних округов в Средней орде, достигли назначенных ими мест. Съемка и описание степи производилась при каждом офицере¹². Из объяснительной записки к проекту об окружных управлениях в Сибирском ведомстве мы узнаем следующие факты, что одновременно с введением окружных управлений Российское правительство определяло и места дислокации военных учреждений на мирное и военное время. Характер действующих войск-подвижность, а запасных оседлость; последние находились в зависимости от условий их географического расположения и местной службы¹³.

Основной задачей колонизации территории Казахстана, являлось освоение несметных его богатств, так уже в начале XIX века с целью исследования региона были отправлены геологические экспедиции в различные части Казахстана, которые имели цель нахождения полезных ископаемых и перспективности их промышленного производства.

В начале XIX века в казахской степи геологическими экспедициями было открыто 32 прииска. Такие как, прииск Елизаветинский, находящийся на расстоянии 325 верст от крепости Семиярской. Длина рудного положения около 250 сажень. Прииск Мариинский находился от рудника Елизаветинского к северо-западу в 138 верстах. Прииск Михайловский, находится в вершинах р. Сары-Су, от рудника Мариинского к западу в 40 верстах. Прииск Аннинский, находится посреди обширных лесов, на правом фланге вновь предполагаемой укрепительной линии, на северо-западном берегу озера Иманкуль, находящегося от крепости св. Петра к югу — 80 верст, от заводов Екатеринбургских — около 600 верст и т. д. В период с 1816 по 1893 г была составлена карта «Геологических образований и полезных ископаемых восточной части киргизской степи в Западной Сибири» верстного масштаба. Данную карту составил горный инженер Г. Д. Романовский¹⁴. В связи с началом разработкой полезных ископаемых на территории Казахстана последовали предложения от промышленников о переносе Сибирской и Оренбургской пограничных линий вглубь степей Казахстана с целью, чтобы извлечь максимальную пользу в результате колонизации данной территории, так как она изобиловала полезными ископаемыми.

Основной целью промышленности царской Россией в первой половине XIX века было получение серебра и золота. В 1828 году правительство разрешило частным лицам заниматься золотодобычей на государственных землях. Сосредоточение сил и средств на добыче драгоценных металлов задерживало рост выплавки черных и цветных металлов¹⁵. География золотых приисков была различна, так, открытие золотых месторождений в Оренбургском крае в 1835 г. способствовало поиску золота в западной, северо-западной и центральной части Казахстана. В 1835 году были созданы поисковые партии для разведки золота в «Зауральской» казахской степи. Золотоискательные партии открыли ряд месторождений золота по рекам Адырлы, Джусанбай, Тасты-Булак, Бетпайты, Курасан, Кусен-Кашпан, Куйсак, Сарымсакты, Кайракты¹⁶. По ведомости о золотых промыслах компании купцов Зенковых, Большакова и прочих лиц, состоящих в Кокчетавском внешнем округе за 1848 г. при Мариинском прииске промыто золото-

носных песков было 237200 пудов — работа производилась посредством людей и лошадей. На золотых промыслах было, чернорабочих русских вольнонаемных — 44, казахов — 11. Прииск употреблял инструменты через покупку на Ирбитской ярмарке. Добытое золото было доставлено один раз в Алтайское горное правление в ноябре месяце¹⁷.

Можно приводить множество и множество фактов свидетельствующих о колониальном присутствии на территории Казахстана Российской империи, и об экономическом эксплуатации природных богатств, которые так не хочет замечать автор Б. Ауелбеков, и этим показывая свою некомпетентность в этом вопросе.

Территориальные претензии Россией настоятельно требовали строительства новых и новых укреплений и опорных точек постоянного соприкосновения с кочевой средой. Главное назначение этих военно-инженерных сооружений, которые впоследствии стали городами и поселками, заключалось в расширении зоны внешнего колониального влияния Российской державы.

Петропавловск возник в 1752 году как военная крепость Святого Петра и Павла по проекту генерал-майора Киндермана согласно указу Правительственного Сената от 4.12.1745 года за № 1494. Укрепление называлось, так потому, что назначено было в день Святых апостолов Петра и Павла. Основание крепости Святого Петра и Павла связано с устройством Ново-Ишимской или Горькой линии сибирского казачества [18]. Петропавловская крепость была построена на высоком берегу по правую сторону реки Ишим и могла называться главным местом и оружейным хранилищем всей линии. Место под строительство крепости выбрала экспедиция, в которую входили регулярные и нерегулярные войска. Оно находилось у небольшого бора, расположенного против пойменного озера Бабашева. Экспедиции предстояло в кратчайший срок построить укрепление. По величине, против других здешних крепостей, она была вдвое больше, и укрепление ее имело вид шестиугольника. В крепости находилась каменная церковь, магазин и жильё. Все постройки были деревянные. Предместье, лежащее у подошвы крепости и имеющее одну только улицу вдоль речного берега, содержало в себе около 200 домов¹⁹. Ведомости и планы строительства крепости святого Петра дают возможность восста-

новить способ возведения. Сначала с помощью веревок и кольев строился правильный шестиугольник, включавший пространство около двух гектаров, и на внешних углах располагались бастионы, а между ними куртины. Затем для постановки почти шестидесятиметровых куртин вкапывались столбы на расстоянии 6 метров друг от друга. После этого в пазы столбов вкладывались заплотом бревна. Только затем рубились бастионы, обширностью до 600 квадратных метров для размещения в них на деревянных платформах пушек. Так как лес был тонким, то фасы и фланки бастионов укреплялись контрфорсами. В ограде оставались не заложенные заплотом 2 — 3 проема, в которые, впоследствии, устанавливались ворота, а над ними рубились трехъярусная башня²⁰. Внутри крепости находился штабной дом, офицерский дом, десять казарм, конюшня на 120 лошадей.

Ак 1764 году в крепости имелось 64 казачьих хозяйств. Наряду с караульной службой казаки занимались земледелием и засеивали 49,5 десятин хлеба. В своих хозяйствах имели 127 лошадей, 150 коров и 28 овец. К 1772 году при крепости было два предместья: предгорье и нагорная часть, где насчитывалось 317 домов. Поселения - предместья представляли из себя три-четыре ряда домов с неправильными улицами и кварталами. Двор при доме, разделялся на две половины: одна при доме — чистая, другая — пригон для скота²¹. В 1807 г. крепость Святого Петра и Павла была переименована в город Петропавловск и сохраняла в своем внешнем облике основные черты торгующих городов — крепостей (меновая и гостиный двор)²². В 1822 г. Петропавловск становится административным центром Петропавловского внутреннего округа Омской области. Петропавловск имел выгодное географическое месторасположение на стыке двух торговых артерий, имеющих большое значение — это Сибирской (вдоль Горной линии) и Туркестанской (через Акмолинск и Ташкент)²³.

Из всего вышеизложенного видно, что Петропавловск в рассматриваемое время являлся одним из крупных торгово-промышленных центров Казахстана. Это наглядный показатель колониальных действий царского правительства.

Появившиеся к концу первой половины XIX века степные укрепления еще ряд лет сохраняли свое военное значение, являясь опорными и перевалочными пунк-

тами колониальной администрации и русской армии в казахской степи, а во второй половине XIX века стали уездными городами (укрепление Оренбургское — г. Тургай и укрепление Уральское — г. Иргиз).

Из переписки русской администрации начала 40-х годов XIX века узнаем об обосновании необходимости с позиции царизма возведения данных укреплений в казахской степи Оренбургского ведомства. Там, документируется, что для упрочения спокойствия в казахской степи Оренбургского ведомства и чтобы хивинцы не осмелились показаться близ линий в западной части Степного края на верховьях рек Эмбы, Илека, Ори, весьма полезно было бы устроить укрепления на западной стороне Мугоджарских гор. Предполагалось устроить промежуточный пост между Орской крепостью и Уральским укреплением на реке Иргиз из 50 казаков при одном орудии для скорейшего и верного сообщения со степными укреплениями²⁴. По данным рапорта командира отдельного Оренбургского корпуса военному Министру от 12.11.1846 г. следует, что для укрепления спокойствия в 1845 г. в казахской степи было возведено два укрепления, одно Оренбургское в восточной части казахской степи, в 426 верстах от Орской крепости на р. Тургай, а другое Уральское, в 406 верстах от Орской крепости на р. Иргиз. В каждое из этих укреплений назначено по гарнизону в составе 400 чинов, ежегодно сменяемых в весеннее время и по два орудия²⁵.

Оренбургское укрепление находилось на правом берегу Тургай между верхним бродом Тайпак, в песках Тусун близ урочища Бескопа и Уральское - на правом берегу Иргиза на высоте Ярмула между урочищами Аир-Кизыл и Кара-Куга²⁶. Оренбургское укрепление, было возведено большей частью из сырцового кирпича и дерна, а частью из дерева. Внутри укрепления был колодец, но воды в нем было мало и плохого качества. При укреплении была выстроена мельница, которая имела постоянную работу. Постройки, находившиеся по близости Наурзумского бора, содержались в более исправном виде и были гораздо прочнее, нежели в других укреплениях. Местность также была несколько плодороднее, хлеб родился без поливки, а огороды, при некотором орошении, давали хороший урожай. Для поливки огородов имелся чигирь, который являлся собственностью коменданта. Топливом служил кизяк и

иногда камыш. В Оренбургском укреплении сосредотачивалось лесное хозяйство степи; через него снабжались строевым лесом укрепления Уральское и Сырдарьинской линии. В 1849 году здесь поселилось 21 семейство Оренбургских казаков. Поселение построили себе в небольшом расстоянии от форта. К началу 1862 года в Оренбургском укреплении насчитывалось 55 душ мужского пола и 47 душ женского пола

Уральское укрепление, заложенное в 1845 году, находилось на правом берегу реки Ирғиз, на весьма возвышенном и песчаном месте, посреди почти совершенно бесплодной степи. К неудобствам места присоединилось еще постоянно солоноватая вода в Ирғизе. Этот недостаток отчасти исправляли два колодца в самом укреплении, имеющие, однако воду на очень большой глубине и в незначительном количестве. Постройки в укреплении были сделаны большей частью из землелитного, частью из сырцового кирпича, но глина для этого здесь была плохого качества, по значительному в ней содержанию соли. В укреплении находилось поселение Оренбургских казаков, в числе 13-ти семейств. Хлебопашеством поселяне не занимались; огородничество было почти невозможно, по причине солонцеватой воды Ирғиза, убивающей растительность. Поэтому часто поселенцам приходилось отправляться для заработков на Оренбургскую линию, т.е. туда, откуда они выселились²⁷. Уральское укрепление в конце 50-х годов XIX века было в следующем состоянии: землянки, покрытые дерном, пришедшие в совершенное разрушение. Помещения гарнизона и складов устроенные из кирпича с камышовым покрытием, не смазанные глиной и во многих местах с совершенно разрушенными крышами на деревянных стропилах. Хозяйственные помещения укрепления как-то: мастерские, конюшни, кухни, погреба и пр., а также помещения женатых солдат, устроены были весьма непрочны из дерна и плетня, крыты камышом, и к тому же разбросаны по берегу реки Ирғиза без всякого порядка. Поселение на 15 семейств было устроено довольно хорошо. Казаки не занимались хлебопашеством, а промышляли больше извозом, скотоводством, торговлей с казахским населением. Данное укрепление имело невыгодное месторасположение, так как было расположено на высоком песчаном холме, и подверга-

лось постоянным и сильным ветрам, которые дули в продолжение почти целого лета и засыпали песком. Пахотные и выгодные места находились в верстах 12 от укрепления, топливо состояло из одного камыша, а вода в Ирғизе во время сильной жары становилась сильно солоноватая. Уральское укрепление лежало на пути караванов, идущих из Хивы и Бухары, в Оренбург и составляло центральный этап между Оренбургом, Орской крепостью, Оренбургским укреплением и Сырдарьинской линией. Основано было укрепление отрядом уральцев под командованием Назарова, поэтому и названо было Уральским укреплением. Постройкой крепостных валов и других сооружений заведовал инженерный прапорщик Михайлов.

Следовательно, можно сделать вывод, что царизм при возведении укреплений преследовал, прежде всего, военные цели колониального захвата территории Казахстана, а не удобство мест для жителей города.

Если расположить в хронологическом порядке города, возникших в результате проведения в жизнь «Устава о Сибирских казахах» — 1822 г. Это следующие города: Каркаралинск — 1824 г. Кокчетав — 1824 г., Акмолинск — 1827 г., Аягуз — 1831 г., Кокпекты — 1836 г., Атбасар — 1846 г., укрепления: Оренбургское (г. Тургай) и Уральское (г. Ирғиз) в 1845 г.

Таким образом, утверждение автора по поводу, «*что в данный период колонизации Казахстана просто не было и быть не могло, на что указывает элементарная статистика, что в 1892 г. проживало 92% коренного населения*». Весьма ошибочно, а статистические данные ничто не дают и не показывают, и вводят читателя в заблуждение. Ведь колониальная политика — это, прежде всего политика порабощения и эксплуатации с помощью военного присутствия (крепости, редуты, пикеты) и экономического порабощения (прииски, месторождения, заводы).

Употребление термина колонизация в российской историографии имеет давнюю и обширную традицию. Колонизация — едва ли не основной термин в трудах дореволюционных российских историков. Процессы колониального присутствия России отмечались задолго до восстания Кенесары Касымов. Отрицать данный факт, значит иметь весьма поверхностные представления о российско-казахских отношениях первой половины XIX века.

Утверждения автора о том, что Кенесары боролся чтобы сохранить свою власть, а не против колонизации, также абсурдны. При торжественном открытии памятника Кенесары в г. Астане президент Н. А. Назарбаев отмечал: «В историю казахского народа Кенесары вошел как последний хан стремившийся вооруженной борьбой сохранить независимость своей родины. Он — герой всенародной борьбы за установле-

ние казахской государственности, вождем восстания против колонизации»²⁸.

В целом, данная статья не верно отражают исторические реалии прошлого, автор публикации Б. Ауельбеков не совсем понимает, о чем пишет, в первую — очередь это касается термина «колонизации» и статья вызывает лишь спорные и негативные моменты в воспитании подрастающего поколения, вводя их в заблуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОМО РФ Ф.2. ОП.1. Д.127. Л.45-45 об. Правила отвода земли сибирским линейным казакам от 1809 г.
2. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771-1867)//Сб. документов и материалов / Сост. Киреев Ф. Н. Алейникова А. К., Семенюк Г. И, Шоинбаев Т. Ж. Алма-Ата: Наука, 1964, с. 572.
3. Богословский М. М. История России в XIX веке. Курс 1913-1914 г. М, 1914, с. 56-57.
4. ЦГИА РФ Ф.1264.ОП.1.Д.85.Л.1. Устав о сибирских киргизах.
5. Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального Казахстана и Северной Киргизии.- М., Наука,1980, с. 138-161.
6. Тихменев А. И. Грузинский П. А. Омский военный округ. Омск: Типография штаба Омского военного округа, 1910, с. 11-12.
7. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России.- СПб.:Альфарет, 1863. Ч. III, с. 134.
8. ГАОМО РФ Ф.1. ОП.1. Д.6. Л.171.
9. Грамыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965, с. 98.
10. ГАОМО РФ Ф.1. ОП.1. Д.32. Л.213-220.
11. ГАОМО РФ Ф.366. ОП.1. Д.34. Л.1-6.
12. ОВА МОН АН РК Ф.11. ОП.4. СВ.72. Д.420. Л.3-8.
13. РГВИА РФ Ф.67.ОП. 1. Д. 23. Л. 1-12.
14. Карта «Географических образований и полезных ископаемых восточной части киргизской степи в Западной Сибири». Составили по естественноисторическим сведениям об этой стране с 1820 по 1893 г., горный инженер Г. Д. Романовский, СПб., 1902, масштаб 100 верст// Романовский Г. Д. Краткий очерк исследований Восточной части киргизской степи Западной Сибири в геологическом и горнопромышленном отношениях. СПб., 1903, с. 69.
15. Карпенко З. Н. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 - 1860 годах. — Новосибирск: ГИГЛ, 1963. - С.159.
16. Горный журнал. 1838, ч. 3, кн.7, с. 2-7.
17. ГАОМО РФ Ф.3. ОП.1. Д.2681. Л.8-9. Ведомость о золотых промыслах за 1848 г.
18. Черников В. С. Эволюция социального и национального состава населения северных городов Казахстана в XIX—XX в. // Проблемы социально-экономического развития городов Казахстана. Алма-Ата, 1985, с. 4.
19. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком, М.: Университетская типография Хр. Клаудий, 1808, т. 5, с. 887.
20. Бенох М. И. Горькая линия. (Памятник военно-инженерного искусства XVIII в.)//Из истории Западной Сибири. Научные труды. Омск, 1974, вып. 79, с. 79-108.
21. Семенов П. П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1903, т. 18, с. 188.
22. Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917). Алма-Ата: Наука,1984, с. 194.
23. Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII — первой половине XIX века). М.: ГИГЛ, 1949, с. 175.
24. РГВИА РФ Ф.483. Д.46. Л.4-28. О возведении в степи укрепления.
25. ОВА МОН АН РК Ф.11. ОП.4. Д.459. СВ.81. Л.15. Дело из архива РГВИА Ф.483.
26. ГАОРФ РФ Ф.6. ОП.1. Д.5613. Л.80.
27. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб: Типография Э. Веймера и Ф.Персона, 1865, ч. 1, с. 273.
28. Назарбаев Н. Ә. Еуразия жүрегінде. Алматы: Атамұра, 2011, 226-бет.